УДК 261.7+322

# РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 2009–2013 ГОДОВ: ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ

***Михайлов Константин Николаевич,***
Российский государственный гуманитарный университет, Учебно-научный центр изучения религий, преподаватель истории религий, аспирант, г. Москва, Россия.
E-mail: mastermaat@gmail.com

*Аннотация*
В статье рассматриваются наиболее значимые реформы в системе управления Русской православной церкви, осуществленные в годы правления РПЦ патриархом Кириллом. Среди них и изменения Устава Русской православной церкви, и разукрупнение епархий, и создание системы новых митрополий. По мнению автора, это поставило Церковь в совершенно новое для нее положение и полностью изменило существовавший в ней ранее баланс власти.

*Ключевые понятия:*
Русская православная церковь, социология религии, политика РПЦ.

С интронизации патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Гундяева), состоявшейся 1 февраля 2009 года, прошло уже больее четырех лет. Эти годы стали временем довольно сильных, хотя и не всегда бросающихся в глаза внутрицерковных изменений, которые обильно, но не систематически освещаются в православных СМИ и фактически незаметны для общества в целом. Некоторым из них – таким, как изменения в публичной риторике официальных церковных спикеров или проблемы социального служения Церкви, – были посвящены и некоторые научные публикации*. Однако без серьезного внимания со стороны исследователей остались принципиальные и чрезвычайно масштабные структурные реформы, произошедшие за эти годы в РПЦ. Им были посвящены некоторые публицистические заметки, в том числе и написанные специалистами**, некоторые их компоненты регулярно обсуждаются на религиоведческих конференциях и круглых столах, но научных статей (не говоря уже о монографиях) по этому вопросу практически нет. Достаточно сказать, что такому значимому процессу, как разукрупнение епархий, на данный момент, насколько нам удалось установить, не посвящено ни одной научной публикации.

Между тем реформы, предпринятые церковным священноначалием в последние четыре года, безо всяких натяжек могут быть названы самыми масштабными структурными изменениями в церковной жизни с момента конкордата 1943 года, а по некоторым параметрам – и с Поместного собора 1917–1918 гг.

Не ставя перед собой задачи скрупулезно осветить каждую из составляющих этого большого процесса реформ, что было бы и невозможно в пределах статьи, мы хотим очертить по крайней мере общую его суть и попробовать проанализировать полученные на данный момент результаты.

## Два типа реформ

Внутрицерковные реформы, проведенные в правление патриарха Кирилла, условно можно разделить на две большие группы, хотя деление это будет происходить не столько по целеполаганию

*Однако единственным моментом сборника статей, который был бы полностью посвящен политике РПЦ в годы правления патриарха Кирилла остается книга «Православная церковь при новом Патриархе» под редакцией А.Малашенко и С.Филатова. Совмещающая под одной обложкой как научные, так и публицистические материалы, она освещает в основном проблемы 2009, 2010 и отчасти 2011 годов.

**Самым ярким примером тут может служить серия публикаций известного специалиста по РПЦ Н.Митрохина на портале grani.ru

(реформы из разных групп вполне могут быть предприняты для достижения связанных целей), сколько по своему административному характеру.

Первая группа – это реформы формальные, сопряженные с изменением и созданием тех или иных уставных документов, которые призваны регламентировать и упорядочить систему церковного управления. Наиболее значимой их частью являются изменения в характере деятельности Поместного и Архиерейского соборов, а также Синода и Высшего церковного совета. К этой же группе примыкают изменения Устава РПЦ, закрепленные Архиерейскими соборами 2011 и 2013 годов, а также ряд более частных документов (как, скажем, типовые уставы ставропигиальных и епархиальных монастырей или перечень церковных правонарушений, подлежащих рассмотрению в церковных судах, принятые в 2011 году). Все эти документы принимаются прежде всего на заседаниях Синода и могут иметь как далеко идущие, так и весьма незначительные последствия.

Вторая группа – это реформы неформальные, т. е. те изменения в жизни РПЦ, которые не сопряжены с изменением или созданием каких-то новых нормативных или регулирующих документов. Наиболее яркий пример такой реформы – масштабное разукрупнение епархий и создание целого ряда новых епископских кафедр и митрополий на территории Российской Федерации. Возможность таких реформ предполагалась Уставом РПЦ и ранее, так что никаких дополнительных документов (кроме формализованных прошений от епископата и утверждений Синодом) для этого не потребовалось. В то же время эти изменения по своему значению превосходят большинство формальных, «бюрократических» реформ и серьезно влияют на все политическое устройство РПЦ от приходов до высшего руководства, потенциально определяя не только нынешнюю политику Церкви, но и ее будущее.

### Формальная реформа системы церковного управления

Наиболее значимые из уставных реформ Церкви – те, которые затрагивают систему ее внутреннего управления. Напомню, что согласно Уставу РПЦ (как в редакции 2000 года, так и в нынешней версии) «*высшими органами церковной власти и управления являются Поместный собор, Архиерейский собор, Священный синод во главе с Патриархом Московским и всея Руси*» [8].

Устав 2013 года, однако, добавляет к этому списку еще два института. Первый из них – это действующий при патриархе Высший церковный совет (ВЦС). В состав совета входят главы так называемых синодальных учреждений – специальных комиссий и отделов, призванных решать те или иные вопросы церковного управления или способствовать контактам между Церковью и иными общественными группами (другими Церквями и религиозными объединениями, государственной властью, армией, СМИ, казачеством). Члены ВЦС утверждаются Синодом, но по предложению патриарха, что делает этот орган полностью подконтрольным ему. Задачей ВЦС является решение частных практических вопросов, а также обсуждение отчетов глав синодальных учреждений. В целом можно сказать, что ВЦС, во-первых, вобрал в себя часть функций, которые ранее относились к сфере деятельности Синода, и, во-вторых, служит усилению контроля патриарха над церковной организацией в целом. Обращает на себя внимание, что новоназначаемые главы синодальных учреждений нередко оказываются не архиереями, а священниками (более того, среди них есть даже один мирянин). Снятие с Синода сугубо административных функций, с одной стороны, повысило его статус и освободило его членов от необходимости вникать в тонкие и зачастую на самом деле не требующие их внимания детали. С другой стороны, это во многом лишило их возможности влиять на сиюминутную политику РПЦ, в то время как патриарх, непосредственно контролирующий деятельность ВЦС, эту возможность приобрел.

Второй институт, играющий большую роль в управлении РПЦ согласно Уставу 2013 года, это Межсоборное присутствие. Но для полного понимания задач этого института (или, если можно так сказать, субститута, заменяющего собой отсутствующий институт) необходимо разобраться в положении Поместного и Архиерейского соборов.

Поместный собор, неизменно рассматриваемый каждой редакцией Устава РПЦ как один важнейших институтов управления Церковью, в действительности терял свое влияние на протяжении последних 25 лет. Согласно версии Устава 1988 года, Поместный собор должен был собираться не реже чем раз в пять лет, однако за 12 лет после этого он собирался лишь один раз,

для выборов нового патриарха. Это несоответствие Устава и реальности вызывало немалое недовольство в оппозиционных патриархии кругах духовенства и мирян, а потому в редакцию Устава 2000 года пункт о регулярном проведении Поместного собора включен не был. Одновременно Поместный собор утратил целый ряд своих обязанностей – оценивать работу Священного синода, устанавливать или упразднять органы церковного управления, утверждать ряд решений Архиерейского собора; утрачена была функция Поместного собора как церковного суда высшей инстанции и ряд других. Это стало существенным ударом по возможностям Поместного собора: фактически он был низведен до положения собрания делегатов на выборах патриарха, и эти выборы остались единственной серьезной функцией Собора [9].

Однако с принятием новой редакции Устава, благодаря поправкам 2008 и 2011 гг, возможности Поместного собора сократились еще больше. Если в версии 2000 года предполагалось, что Собор *«истолковывает учение Православной церкви»* [7], то в версии 2013 года он уже *«служит выражением вероучительного и канонического единства Русской православной церкви и имеет своей главной задачей его сохранение»* [8]: возможность трактовки православного учения у Собора изымается. Даже суждение о внутрицерковных проблемах становится для него возможным только «*по предложению Архиерейского собора»*, то есть по инициативе епископата. Окончательно исключается из ведения Поместного собора необходимость утверждать решения Архиерейского собора, и фактически единственным способом влияния на него становится возможность обращения *«к Архиерейскому собору с предложением повторно рассмотреть ранее принятые им решения в области вероучения и канонического устроения с учетом мнений, высказанных большинством участников Поместного собора»* [8].

Таким образом, из органа, действительно имевшего возможность управлять РПЦ или хотя бы контролировать деятельность Архиерейского собора, Поместный собор превратился в лишенный практически всех своих возможностей институт, имеющий право лишь одобрять решения священноначалия или подвергать их мягкой критике. Единственным важным правом, которое у Поместного собора сохранилось, было все то же избрание нового патриарха. Но процедура избрания, которая еще по Уставу 2000 года определялась Поместным собором, по новой версии Устава определяется уже Архиерейским собором.

Из описанного выше может создаться впечатление, что по мере ослабления Поместного собора вес церковной власти переместился в Архиерейский собор. До определенной степени это действительно так, и Архиерейский собор приобрел целый ряд новых возможностей. Однако сравнение версий Устава РПЦ 2000 и 2013 годов показывает, что в действительности и Архиерейский собор, получив одни ранее не свойственные ему функции, потерял другие, но очень значимые. Прежде всего, это право создания органов церковного управления, но кроме того – определение *«порядка владения, пользования и распоряжения имуществом Русской православной церкви»* [8]. Обе эти функции переданы Священному синоду. Отдельно надо отметить, что то же произошло и с правом Архиерейского собора создавать, упразднять и реорганизовывать епархии и митрополии (также в этом контексте упоминаются Самоуправляемые Церкви и экзархаты, создание которых происходит чрезвычайно редко). Соответствующие поправки были приняты Архиерейским собором в 2011 году, и с этого момента создание новых епархий и митрополий оказалось полностью в ведении Синода – Архиерейский собор лишь одобряет уже принятые решения.

Таким образом, наиболее точно следует говорить не об усилении Архиерейского собора, а о смещении властных функций в Церкви снизу вверх, от Поместного собора к Священному синоду и ВЦС через Архиерейский собор. При этом в ведении Синода оказываются серьезные вопросы внутренней церковной политики (образование епархий и митрополий, назначение архиереев, ректоров духовных учебных заведений, настоятелей монастырей, рассмотрение и принятие новых уставов), а в ведении ВЦС – все разнообразие практических задач, встающих перед РПЦ, и все ее отношения с иными общественными группами. Остается, однако, одна сфера, которая чрезвычайно важна для церковной жизни, но не охвачена по-настоящему ни Синодом, ни ВЦС: это сфера богословия.

В отсутствие регулярно функционирующего Поместного собора, в ведении которого находилось бы определение и формулирование богословских позиций Церкви, эта функция была формально передана Архиерейскому собору и Священному синоду. В действительности, однако,

уровень богословской (и вообще гуманитарной) подготовки большинства архиерев РПЦ не позволяет им компетентно справляться с этой задачей [3]. Решением этой проблемы во многом и является специфический субститут соборной жизни – Межсоборное присутствие. Замысленное как ряд богословских комиссий, обсуждающих те или иные вопросы, оно напоминает дореволюционное Предсоборное присутствие, допуская, правда, благодаря Интернету, возможность коллективной работы над интересующими духовенство вопросами. Предполагается, что результаты работы Межсоборного присутствия будут представлены Поместному собору, однако ввиду неясности сроков проведения Собора работа Присутствия пока что имеет теоретический характер. Хотя формально членов Межсоборного присутствия утверждает Священный синод, он делает это по представлению патриарха, и только патриарх может инициировать отставку члена Присутствия. Наконец, патриарх является и председателем Присутствия, а значит, наиболее значимые внутрицерковные богословские дебаты находятся под его постоянным контролем.

Все это позволяет нам предположить, что благодаря реформам последних четырех лет (а отчасти и предшествовавших им еще во времена патриарха Алексия II), сегодня с точки зрения Устава РПЦ и прочих церковных нормативных документов власть сосредоточена, прежде всего, в руках патриарха. Помимо него полноценной властью над Церковью обладают только Священый синод (причем он сохраняет власть лишь в части вопросов, ранее находившихся в сфере его ответственности) и Архиерейский собор. Однако при всем теоретическом влиянии последнего, его возможности в действительности сильно ограничены – и не столько благодаря формальным реформам, сколько благодаря реальным, но не нуждающимся в дополнительных редакциях документам, изменениям в жизни РПЦ.

### Неформальная реформа системы церковного управления

Устав РПЦ, постоянно меняющийся от редакции к редакции, в действительности уже и в версии 2000 года предоставлял Священному синоду достаточно большие права. Отдельные поправки в Уставе, принятые Синодом в 2009–2011 годах и одобренные Архиерейским собором в 2011 или 2013 годах, дали Священному синоду еще больше возможностей. Наиболее значимой из них в практическом смысле оказалось право реорганизации и создания структурных подразделений РПЦ – епархий и митрополий. Процесс этот, на внутрицерковном сленге называемый «разукрупнением», обсуждался давно: первые инициативы по разделению епархий относятся еще к дореволюционному периоду.

Стоит напомнить, что по традициям русского православия епархия, как правило, совпадала с государственной административной единицей: некогда это были удельные княжества, в имперские времена – губернии, в советские – области. Границы епархий и их состав, таким образом, время от времени менялись, но не слишком значительно. Уже к началу XX века это привело к ситуации, когда епископ не всегда мог справиться с управлением вверенной ему епархии – особенно это касалось епархий в Сибири и на окраинах империи, где размеры административных единиц были слишком велики, чтобы епископ мог регулярно посещать хотя бы все города своей епархии. Советские времена и пришедшие с ними суровые испытания сняли остроту этого вопроса: в 30-е годы огромное число епархий было просто уничтожено, богослужения, так или иначе, проводились тайно или полулегально, так что о разукрупнении епархий речь идти не могла. После легализации РПЦ в 1940-х епархии вновь были приравнены к административным единицам, но по понятным причинам власть совершенно не была заинтересована в росте числа епископов, да и число прихожан, как и церквей, оставалось все же слишком незначительным, чтобы реструктуризация епархиальной жизни была оправдана.

Однако в 1990-х годах активный рост как числа верующих, так и приходов вновь поставил перед РПЦ вопрос о разукрупнении. О неэффективности сложившейся системы управления писали и в начале 2000-х годов, выделяя чаще всего два ее минуса. Во-первых, епископ оставался слишком отдален от духовенства и тем более от мирян своей епархии, что многими осознавалось как серьезная проблема [1]. Во-вторых, это приводило к существенному осложнению в системе церковной экономики: епископу сложно было контролировать финансовую деятельность большого количества приходов, что прямо ударяло по положению епархии и косвенно – по положению высшей церковной администрации [4]. Кроме того, в украинской и белорусской частях

РПЦ процесс разукрупнения начался на несколько лет раньше, чем в российской, что, с одной стороны, продемонстрировало техническую возможность и потенциальные плюсы такого деления, а с другой – привело к диспропорции российского, украинского и белорусского епископатов на Архиерейском соборе, так как число, прежде всего, украинских архиереев существенно возросло.

Таковы, в общих чертах, были доводы сторонников разукрупнения, начавшегося в 2011 году (до того, еще в 2009-м, имел место один случай, но системный характер реструктуризация епархий приобрела именно в 2011 году). С этого времени и до настоящего момента не было фактически ни одной сессии Священного синода, на которой не ставился бы вопрос о разделении той или иной епархии, а часто нескольких. В результате этой политики к октябрю 2013 года в РПЦ входило уже 260 епархий, в то время как еще в 2009 году их было 159. Подавляющее большинство новообразованных епархий находится на территории Российской Федерации, что означает рост более чем в два раза.

Столь масштабное разукрупнение епархий означает изменение всех сложившихся систем взаимоотношений как внутри церкви, так и между церковным священноначалием и представителями иных социальных групп. Наиболее ярким примером тут может служить политическая сфера: если раньше на одного губернатора области приходился, как правило, один архиерей, то теперь их может быть уже два или три, что не может не приводить к девальвации значения епископского сана в глазах представителей светской власти.

Какие задачи, стоявшие перед Церковью, действительно были решены при помощи разукрупнения? В первую очередь это, конечно, установление работоспособной системы контроля – епископы могут теперь уделять больше внимания отдельным приходам. Способствует это и финансовым успехам Церкви, особенно значимым ввиду экономического кризиса, ударившего по РПЦ в конце 2000-х годов.

Однако нельзя сказать, что в результате разукрупнения епископы стали сколько-то ближе к иереям или мирянам: напротив, граница между епископатом и простыми священнослужителями осталась, как правило, столь же непроницаемой, а новые архиереи проводят политику на местах, не считаясь с уже сложившимися епархиальными устоями и традициями. Ярким примером таких конфликтов, возникших по инициативе новых архиереев, может служить ситуация с о. Иоанном Приваловым, служившим в Заостровье Архангельской области. Неожиданная отставка давно служившего и любимого прихожанами священника вызвала большую дискуссию в православной среде, а для него самого окончилась тяжелой болезнью [5].

Другой частью структурной реформы стало создание системы митрополий. Если ранее митрополии и епархии отличались друг от друга не столько иерархически, сколько по значению и статусу, то благодаря реформам 2011–2013 годов эта ситуация изменилась. Прежде всего – благодаря значительному росту числа митрополий: к октябрю 2013 года в России их насчитывалось почти 50, в то время как до 2009 года митрополитов было около 10. И если раньше сан митрополита был в большей степени почетным титулом для крупного церковного администратора или епископа какого-то из столичных городов, то в результате реформы митрополиты составили целый уровень церковной администрации, дополнительный слой между епископами и высшим руководством РПЦ.

До определенной степени митрополиты выполняют ту социальную функцию, которая раньше была возложена на архиепископов и епископов: контактируют с местными властями, выражают мнение духовенства региона в СМИ. Однако главная их задача – это контроль над деятельностью епископата. «Положение о митрополиях», являющееся главным нормативным документом, определяющим функции митрополитов, предполагает очень высокую степень их подчиненности лично патриарху: согласно пункту 13к, митрополит *«по указанию патриарха или по собственной инициативе представляет патриарху свое мнение относительно положения дел в епархиях митрополии»* [6]; согласно пункту 13м, *«принимает жалобы на архиереев митрополии и рассматривает их без формального церковного судопроизводства, а в случае невозможности решить вопрос – направляет дело на рассмотрение патриарха с приложением своего мнения»* [6]. Обращает на себя внимание, что конечной инстанцией в споре двух архиереев оказывается, согласно Положению, не Архиерейский собор, и даже не Священный синод, а лично патриарх. Функция эта была передана патриарху только в последней редакции Устава: если в редакции 2000 года рассмотрение отчетов епископата и

вынесение по их поводу решений было обязанностью Священного синода, то в редакции 2013 года Синод выносит эти решения только «в случае необходимости» и «по представлению патриарха».

Немаловажен и тот факт, что разукрупнение епархий и создание десятков новых митрополий позволило провести масштабную ротацию церковных должностей и санов: был сделан целый ряд блестящих карьер, когда из епископов за три-четыре года архиереи превращались сначала в архиепископов, а потом и в митрополитов.

Во-первых, это привело к значительному снижению компетенции членов Архиерейского собора. И раньше, в общем, функция Собора сводилась к утверждению уже принятых Священным синодом решений, теперь же большая часть архиереев просто не разбирается в проблемах внутрицерковной политики ввиду недостатка опыта и небольшого стажа пребывания во власти. Это вынуждает их голосовать, руководствуюсь советами синодалов.

Во-вторых, это позволило существенно усилить группу архиереев, поддерживающих патриарха Кирилла и его политику: обязанные самому патриарху или его окружению своим новым положением, новопоставленные епископы оказываются существенно более лояльны руководству РПЦ, чем прежние опытные архиереи, сделавшие церковную карьеру еще при патриархе Алексии II или даже ранее.

### Сложившееся положение

Из всего описанного выше можно сделать вывод о существенном изменении в характере и балансе властных функций священноначалия РПЦ в результате внутрицерковных реформ последних четырех лет. За эти годы бремя власти окончательно было снято с Поместного собора, выполняющего ныне только избирательные функции, и передано отчасти Архиерейскому собору, отчасти Высшему церковному совету, отчасти Священному синоду. При этом единственной фигурой, координирующей все три эти властные группы, является лично патриарх Московский и всея Руси. Ему же подчинено и имеющее богословские задачи Межсоборное присутствие. Таким образом, в руках патриарха к осени 2013 года оказалась сосредоточена существенно большая власть, чем это было характерно для церковной политики еще десять лет назад. В середине 2000-х годов вполне корректным было мнение, хорошо выраженное исследователем Н. Митрохиным: «...по существу, его [патриарха – *К.М.*] роль – презентация и защита Церкви перед внешним миром. Во внутрицерковных делах его авторитет не является безусловным, а административное влияние (и формальное, и реальное) не распространяется далее Москвы» [2, с. 80].

Но четыре года правления патриарха Кирилла кардинально изменили это положение. На данный момент патриарх, благодаря проведенным реформам, является, безусловно, самым влиятельным деятелем РПЦ. Ослабление епископата, достигнутое сокращением функций Архиерейского собора и продолжающимся третий год разукрупнением епархий, ослабление Священного синода при помощи передачи ряда его функций в полностью подчиненный патриарху ВЦС и создание жесткой иерархии власти (патриарх – митрополит – епископ) способствовало достижению патриархом Кириллом чрезвычайно большой (по меркам православия XX века) власти. Фактически можно говорить о централизации всей системы управления РПЦ, превращении Церкви из достаточно расплывчатого социального организма в жесткую иерархическую структуру с единым лидером. Вопрос лишь в том, является ли это изменение временным, связанным исключительно с личностью правящего патриарха, или же постоянным; сохранится ли оно при следующих предстоятелях РПЦ? Но в любом случае столь масштабные структурные и бюрократические преобразования не пройдут для русского православия бесследно.

1. Красиков, А. Русская Православная Церковь. От «службы государевой» к испытанию свободой [Текст] / А. Красиков // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / под ред. К. Каариайнена и Д. Фурмана. М.-СПб.: 2007. С. 134–229.

2. Митрохин, Н.А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы [Текст] / Н.А. Митрохин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 320 с.

3. Митрохин, Н.А. Социальный лифт для верующих парней с рабочих окраин: епископат современной Русской православной церкви [Текст] / Н.А. Митрохин // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России. Под редакцией К.Каариайнена и Д.Фурмана. М.-СПб.: 2007. С. 260–324.

4. Митрохин, Н.А. Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и её теневая составляющая [Текст] / Н.А. Митрохин, М.Ю. Эдельштейн // отв. ред. и авт. предисл. Л.М. Тимофеев. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. С. 9–52.

5. Отец Иоанн Привалов признан инвалидом [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.com/religy/18sep2013/privalov.html (дата обращения: 26.10.2013).

6. Положение о митрополиях Русской православной церкви. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1639871.html (дата обращения: 27.10.2013).

7. Устав Русской православной церкви, редакция 2000 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419782.html (дата обращения: 26.10.2013).

8. Устав Русской православной церкви, редакция 2013 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/ (дата обращения: 26.10.2013).

9. Цыпин, В.А., прот. Церковное право: Курс лекций. М.: Круглый стол по религиозному образованию в Рус. Правосл. Церкви, 1994. С. 197–198.

1. Krasikov, A. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. Ot «sluzhby gosudarevoj» k ispytaniju svobodoj [Tekst] / A. Krasikov // Novye cerkvi, starye verujushhie – starye cerkvi, novye verujushhie. Religija v postsovetskoj Rossii / pod red. K. Kaariajnena i D. Furmana. M.-SPb.: 2007. S. 134–229 (Russian).

2. Mitrohin, N.A. Russkaja pravoslavnaja cerkov': sovremennoe sostojanie i aktual'nye problemy [Tekst] / N.A. Mitrohin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 320 s. (Russian).

3. Mitrohin, N.A. Social'nyj lift dlja verujushhih parnej s rabochih okrain: episkopat sovremennoj Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Tekst] / N.A. Mitrohin // Novye cerkvi, starye verujushhie – starye cerkvi, novye verujushhie. Religija v postsovetskoj Rossii. Pod redakciej K.Kaariajnena i D.Furmana. M.-SPb.: 2007. S. 260–324 (Russian).

4. Mitrohin, N.A. Jekonomicheskaja dejatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i ejo tenevaja sostavljajushhaja [Tekst] / N.A. Mitrohin, M.Ju. Jedel'shtejn // otv. red. i avt. predisl. L.M. Timofeev. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2000. S. 9–52 (Russian).

5. Otec Ioann Privalov priznan invalidom [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.newsru.com/religy/18sep2013/privalov.html (data obrashhenija: 26.10.2013) (Russian).

6. Polozhenie o mitropolijah Russkoj pravoslavnoj cerkvi. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1639871.html (data obrashhenija: 27.10.2013) (Russian).

7. Ustav Russkoj pravoslavnoj cerkvi, redakcija 2000 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419782.html (data obrashhenija: 26.10.2013) (Russian).

8. Ustav Russkoj pravoslavnoj cerkvi, redakcija 2013 goda [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/ (data obrashhenija: 26.10.2013) (Russian).

9. Cypin, V.A., prot. Cerkovnoe pravo: Kurs lekcij. M.: Kruglyj stol po religioznomu obrazovaniju v Rus. Pravosl. Cerkvi, 1994. S. 197–198 (Russian).

UDC 261.7+322

# REFORMS OF THE SYSTEM OF CHURCH AUTHORITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF 2009–2013: PROGRESS AND RESULTS

***Mihailov Konstantin Nikolaevich,***
Russian State University for the Humanities,
Centre of Academic Affairs and Research of Religions, Lecturer of History of Religion, Postgraduate Student,
Moscow, Russia.
E-mail: mastermaat@gmail.com

*Annotation*
The article deals with the most significant reorganizations in the system of the Russian Orthodox Church management in the years of patriarch Kirills's rule. Among them there are changes in the Statute of the Russian Orthodox Church, eparchy fragmentation, creation of a new metropolitanate system. It is the author's opinion that this has put the Church in a completely new position and changed the power balance that existed earlier.

*Key concepts:*
the Russian Orthodox Church,
sociology of religion,
policy of the Russian Orthodox Church.